

Н. Г. Помяловский

**Полное собрание
сочинений**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Г. Помяловский**
Полное собрание сочинений: Том 2 / Н. Г. Помяловский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2019. – 344 с.

ISBN 978-5-517-83446-1

Приложение к журналу "Нива" на 1912г.

ISBN 978-5-517-83446-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Зимній вечеръ въ бурстѣ.

Очеркъ первый.

1862.

Классъ кончился. Дѣти играютъ.

Огромная комната, вмѣщающая въ себѣ второуѣздный классъ училища, носитъ характеръ казенщины, выражающей полное отсутствіе домовитости и пріюта. Стѣны, съ промерзшими насквозь углами, грязны,—въ черно-бурыхъ полосахъ и пятнахъ, въ плѣсени и ржавчинѣ; потолокъ подпертъ деревянными столбами, потому что онъ давно погнулся и безъ подпорокъ грозилъ паденіемъ; полъ въ зимнее время посыпался пескомъ либо опилками: иначе на немъ была бы постоянная грязь и слякоть отъ снѣгу, приносимаго учениками на сапогахъ съ улицы. Отъ задней стѣны идутъ парты (учебные столы); у передней стѣны, между окнами, столъ и стулъ для учителя; вправо отъ него—черная учебная доска; влѣво, въ углу у дверей, на табуретѣ—ведро воды для жаждущихъ; въ противоположномъ углу—печка; между печкой и дверями вѣшалка, на спицахъ которой виситъ цѣлый рядъ тряпичный: шинели, шубы, халаты, накидки разнаго рода, все перешитое изъ материныхъ капотовъ и отцовскихъ подрясниковъ,—нагольное, крытое сукномъ, шерстяное и тиковое; на всемъ этомъ виднѣются клочья ваты и дыры,

и много въ томъ мѣстѣ, злачнѣмъ и прохладнѣмъ, паразитовъ, поѣдающихъ тѣло плохо кормленнаго бурсака. Въ пять оконъ, съ пузырячатыми и зеленоватыми стеклами, пробивается мало свѣта. Вонь и копоть въ классѣ; воздухъ мозглый, какой-то прогорклый, сырой и холодный.

Мы беремъ училище въ то время, когда кончался періодъ насильственнаго образованія и начиналъ дѣйствовать законъ великовозрастія. Были года,—давно они прошли,—когда не только малолѣтнихъ, но и бородатыхъ дѣтей по приказанію начальства насильно гнали изъ деревень, часто съ дьяческихъ и понамарскихъ мѣстъ, для наученія ихъ въ бурсѣ письму, чтенію, счету и церковному уставу. Нѣкоторые были обручены съ своими невѣстами и сладостно мечтали о медовомъ мѣсяцѣ, какъ нагрянула гроза и повѣнчала ихъ съ Пожарскимъ, Меморскимъ, псалтыремъ и обиходомъ церковнаго пѣнія, познакомила съ майскими (розгами), проморила голодомъ и холодомъ. Въ тѣ времена и въ приходскомъ классѣ большинство было взрослыхъ, а о другихъ классахъ, особенно семинарскихъ, и говорить нечего. Достаточно пожилыхъ долго не держали, а, поучивъ грамотѣ года три-четыре, отпускали дьячить; а ученики помоложе и поусерднѣе къ наукѣ, лѣтъ подъ тридцать, часто съ лишкомъ, достигали богословскаго курса (старшаго класса семинаріи). Родные съ плачемъ, воемъ и причитаньями отправляли своихъ претенцовъ въ науку; претенцы съ глубокой ненавистью и отвращеніемъ къ мѣсту образованія возвращались домой. Но это было очень давно.

Время перешло. Въ общество мало-по-малу проникло сознание — не пользы науки, а неизбежности ея. Надо было пройти хоть приходское ученье, чтобы имѣть право даже на понамарское мѣсто въ деревнѣ. Отцы сами везли дѣтей въ школу, парты замѣщались быстро, число учениковъ увеличивалось и наконецъ досрочно до того, что

не помѣщалось въ училищѣ. Тогда изобрѣли знаменитый законъ великовозрастія. Отцы не всё еще оставили привычку отдавать въ науку своихъ дѣтей взрослыми и нерѣдко привозили шестнадцатилѣтнихъ парней. Прочувшись въ четырехъ классахъ училища по два года, такіе дѣлались великовозрастными; эту причину отмѣчали въ титулѣ ученика (въ аттестатѣ) и отправляли за ворота (исключали). Въ училищѣ было до пятисотъ учениковъ; изъ нихъ ежегодно получали титулку человѣкъ сто и болѣе; на смѣну прибывала новая масса изъ деревень (большинство) и городовъ, а черезъ годъ отправлялась за ворота новая сотня. Получившіе титулку дѣлались послушниками, дьячками, сторожами церковными и консисторскими писцами; но наполовину шатались безъ опредѣленныхъ занятій по епархіи, не зная, куда дѣться со своими титулками, и не разъ проносились грозная вѣсть, что всѣхъ безмѣстныхъ будутъ верстать въ солдаты. Теперь понятно, какимъ образомъ поддерживался училищный комплектъ, и понятно, отчего это въ темномъ и грязномъ классѣ мы встрѣчаемъ наполовину сильно взрослыхъ.

На дворѣ слякоть и рѣзкій вѣтеръ. Ученики и не думаютъ итти на дворъ. Съ перваго взгляда замѣтно, что ихъ въ огромномъ классѣ болѣе ста человѣкъ. Какое разнохарактерное населеніе класса, какая смѣсь одеждъ и лицъ!.. Есть двадцатичетырехгодовалые, есть и двадцати лѣтъ. Ученики раздробились на множество кучекъ; идутъ игры — оригинальныя, какъ и все оригинально въ бурсѣ; нѣкоторые ходятъ въ одиночку, нѣкоторые спятъ, несмотря на шумъ, не только по полу, но и по партамъ, надъ головами товарищей. Стонъ стоитъ въ классѣ отъ голосовъ.

Большая часть лицъ, которыя встрѣтятся въ нашемъ очеркѣ, будутъ носить тѣ клички, которыми нарекли ихъ

въ товариществѣ, на примѣръ, Митаха, Элпахъ, Тавля, Шестиухая-Чабря, Хорь, Плюнь, Омега, Ерракокста, Катъка и т. п., но этого не можемъ сдѣлать съ Семеновымъ: бурсаки дали ему прозвище, како́го не пропуститъ никакая цензура—крайне неприличное.

Семеновъ былъ мальчикъ хорошенькій, лѣтъ шестнадцати. Сынъ городского священника, онъ держитъ себя прилично, одѣтъ чистенько; сразу видно, что училище не успѣло стереть съ него окончательно слѣдовъ домашней жизни. Семеновъ чувствуетъ, что онъ городской, а на городскихъ товарищество смотрѣло презрительно, называло бабами; они любятъ маменекъ да маменькины булочки и пряники, не умѣютъ драться, трусятъ розги, народъ безсильный и состоящій подъ покровительствомъ начальства. Для товарищества рѣдкій городской составлялъ исключеніе изъ этого правила. Странно было лицо у Семенова—никакъ не разгадать его: грустно и въ то же время хитро; боязнь къ товарищамъ смѣшана съ затаенной ненавистью. Ему теперь скучно, и онъ, шатаясь изъ угла въ уголъ, не знаетъ, чѣмъ развлечься. Онъ усиливается удержатъ себя вдали отъ товарищей, въ одиночку; но всѣ составили партіи, играютъ въ разныя игры, поютъ пѣсни, разговариваютъ; и ему захотѣлось раздѣлить съ кѣмъ-нибудь досугъ свой. Онъ подошелъ къ играющимъ въ камешки и робко проговорилъ:

— Братцы, примите меня.

— Гусь свиный не товарищъ, — отвѣчали ему.

— Этого не хочешь ли? — проговорилъ другой, поставивъ подъ самый носъ его сытый свой кукишъ съ большимъ грязнымъ ногтемъ на большомъ пальцѣ.

— Пока по шеѣ не попало, убирайся! — прибавилъ третій.

Семеновъ отошелъ уныло въ сторону; но на него не

произвели особеннаго впечатлѣнія слова товарищей. Онъ точно давно привыкъ и отерпѣлся съ грубымъ обращеніемъ.

— Господа, съ пылу горячихъ!

— Кому, Тавля? — отозвались голоса.

— Гороблагодатскому.

Семеновъ вмѣстѣ съ другими направился къ столу, около котораго тоже шла игра въ камешки между двумя великовозрастными, при чемъ Гороблагодатскій былъ второй силачъ въ классѣ, а Тавля — четвертый. Лица, окружавшія игроковъ, пріятно осклаблялись, ожидая увеселительнаго зрѣлища.

— Ну! — сказалъ Тавля.

Гороблагодатскій положилъ на столъ руку, растопыривъ на ней пальцы. Тавля размѣстилъ на рукѣ его пять небольшихъ камней самымъ неудобнымъ образомъ.

— Валяй, — сказалъ онъ.

Тотъ вскинулъ кверху камни и поймалъ изъ нихъ только три.

— За два! — подхватили окружающіе.

— Пиши, братъ, къ родителямъ письма, — прибавилъ Тавля съ своей стороны.

Гороблагодатскій, ничего не отвѣчая, положилъ лѣвую руку на столъ. Тавля кинулъ камень въ воздухъ, во время его полета успѣлъ съ страшной силой щипнуть руку Гороблагодатскаго и опять поймалъ камень.

Толпа захохотала.

Игра въ камешки, вѣроятно, всѣмъ пзвѣстна, но въ училищѣ она имѣла оригинальныя дополненія: здѣсь она со щипчиками, и притомъ щипчиками холодными, тепленькими, горяченькими и съ пылу горячими, которые доставались проигравшему. Безъ щипчиковъ играла самая молодая, самая зеленая приходячина, а при щипчикахъ «съ пылу горячихъ» присутствуетъ теперь читатель.

Между тѣмъ матка (главный камень) летала въ воздухѣ, а Тавля своими здоровенными руками скручивалъ кожу на рукѣ партнера и дергалъ ее съ ожесточеніемъ. Послѣ двадцати щипчиковъ рука сильно покраснѣла; послѣ пятидесяти появилась синева.

— Любо ли? — спрашиваетъ Тавля, заглядывая ему въ глаза.

Противникъ молчитъ.

— Любо ли?

Опять отвѣта нѣтъ.

— Взъерепень, взъерепень его! — говорятъ окружающіе.

— Заплачь, такъ прошу! — говоритъ Тавля.

— Смотри, чтобы самому плакать не пришлось! — отвѣтилъ Гороблагодатскій.

Здоровый дѣтина выносилъ сильную боль въ рукѣ, но только мрачный взглядъ обнаруживалъ, что онъ чувствуетъ.

— Что, дядя, больно?

Тавля далъ такого щипка, что Гороблагодатскій невольно стиснулъ зубы. Всѣ захохотали.

— Живота, аль смерти?

Сильный щипокъ повторился при хохотѣ зрителей. Въ этомъ хохотѣ не слышалось злорадованья или непріязненной насмѣшки; товарищи видѣли во всемъ только комическую сторону. Одинъ лишь Семеновъ улыбался какъ-то особенно, его удовольствіе не походило на удовольствіе другихъ; и дѣйствительно, онъ затаенно повторялъ въ душѣ:

«Такъ и надо, такъ и надо!»

Дошло до ста...

— Ну, чортъ съ тобой! — заключилъ наконецъ Тавля.

Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Тавлю и рѣ-

шился на игру съ нимъ въ надеждѣ остаться побѣдителемъ и задать ему болѣе, чѣмъ съ пылу горячихъ. Оба они были второкурсные. Каждое учебное заведеніе имѣетъ свои преданія. Аборигены училища, насильно посаженные за книгу, образовали собою товарищество, которое стало во враждебное отношеніе къ начальству и завѣщало своимъ потомкамъ ненависть къ нему. Начальство, съ своей стороны, также стало во враждебныя отношенія къ товариществу и, чтобы сдерживать его въ границахъ училищной инструкціи (кодексъ правилъ для поведенія и ученія), избрѣло цѣлую бурсацко-бюрократическую систему. Зная, что всякое царство, раздѣльшееся на ся, не устоитъ, оно отдало однихъ товарищей подъ власть другихъ, желая внести въ среду ихъ междоусобіе. Такими властями были: старшіе спальныя — изъ второуздныхъ; старшіе дежурныя — изъ спальныхъ, справляя недѣльную очередь по всему училищу; цензоры — надзирающіе за поведеніемъ въ классѣ; аудиторы — выслушивающіе по утрамъ уроки и отмѣчающіе баллы въ нотатахъ (особой тетради для балловъ), наконецъ послѣдняя власть и едва ли не самая страшная — сѣкундаторъ, ученикъ, который, по приказанію учителя, сѣкъ своихъ товарищей. Всѣ эти власти выбирались изъ второкурсныхъ. Ученикъ, просидѣвъ за партою два года, за лѣность и малоуспѣшность оставался въ томъ же классѣ еще на два, — этотъ и назывался второкурснымъ. Очень естественно, что такой ученикъ что-нибудь да выносилъ изъ уроковъ учителей и потому больше зналъ, чѣмъ первокурсный; это бралось начальствомъ во вниманіе, и расчетъ былъ вѣренъ: второкурсные, желая удержать власть въ рукахъ, учились усердно, и большинство изъ нихъ заняло первыя мѣста, потому что не бездарность, а лѣнь дѣлала ихъ второкурсными. Вотъ основы училищной бюро-

кратіи, при помощи которой начальство хотѣло разрушить товарищество.

Изъ всего этого вышла одна гадость. Къ второкурснымъ было полное довѣріе начальства: жалоба на нихъ была оскорбленіемъ для смотрителя и инспектора; деспотизмъ ихъ развился въ высшей степени, и ничто такъ не оподляетъ духъ учебнаго заведенія, какъ власть товарища надъ товарищемъ; цензоры, аудиторы, старшіе и сѣкундаторы получили полную возможность дѣлать что угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то въ родѣ царька въ своемъ царствѣ, аудиторы составляли придворный штатъ, а второкурсные — аристокрацію. Притомъ второкурсные, просидѣвъ лишніе два года, понятно, дѣлались взрослыми, а потому и физическая сила была на ихъ сторонѣ. Наконецъ по той же причинѣ они знали обряды и формы своего класса, характеръ учителей, умѣнье надуть ихъ. Новичокъ безъ помощи второкурснаго не умѣлъ ступить шагу. Начальство, вводя такой деспотизмъ, думало, что оно поселить въ товариществѣ ябеду и доносъ. Случилось совсѣмъ не то: при училищномъ второкурсіи только народились въ товариществѣ такія гадины, отвратительныя гадины, какъ Тавля, и такіе дикіе характеры, какъ Гороблагодатскій. Они ненавидѣли другъ друга, потому что воспользовались данною имъ властью для разныхъ цѣлей. Тавлю ненавидѣли и другіе силачи — Лашезинъ и Бенелявдовъ; его всѣ ненавидѣли и презирали.

Тавля, въ качествѣ второкурснаго аудитора, притомъ въ качествѣ силача, былъ нестерпимый взяточникъ, дралъ съ подчиненныхъ деньгами, булкой, порціями говядины, бумагой, книгами. Ко всему этому Тавля былъ ростовщикъ. Ростъ въ училищѣ, при негѣпомъ его педагогическомъ устройствѣ, былъ безсовѣстенъ, наглъ и жестокъ. Въ такихъ размѣрахъ онъ нигдѣ и никогда не

былъ и не будетъ. Вообще не рѣдкость, а, напротивъ, норма, когда десять копеекъ, взятыя на недѣльный срокъ, оплачивались пятнадцатю копѣйками, т.-е., по общепринятому займу на годъ, это выйдетъ двадцать пять разъ капиталъ на капиталъ. При этомъ должно замѣтить, если должникъ не приносилъ, по условію, долга черезъ недѣлю, то черезъ слѣдующую недѣлю онъ обязанъ былъ принести вмѣсто пятнадцати двадцать копеекъ. Такой ростъ неизвѣстно съ какихъ поръ вошелъ въ обычай бурсы; не одинъ Тавля живодерничалъ, онъ былъ только виднѣе другихъ. Необходимость въ займѣ всегда существовала. Цензоръ или аудиторъ требовали взятки; не дать — бѣда, а денегъ нѣтъ, вотъ и идетъ первокурсный къ своему же товарищу, но ростовщику, согласенъ на какой угодно процентъ, лишь бы избавиться отъ прежестокихъ грядущихъ розгачей. Кредитъ обыкновенно гарантируется кулакомъ, либо всегдашнею возможностью нагадить должнику, поэтому что рисковали на ростъ только второкурсники. Надо замѣтить, что бѣдшая часть тягостей въ этомъ отношеніи падала на городскихъ, потому что они каждое воскресенье ходили домой и приносили съ собой деньжонки; поэтому на городскихъ налегали всѣ, хотя и изъ нихъ считался уже богачомъ, кто получалъ на недѣлю какой-нибудь гривенникъ. Поэтому многіе были въ неоплатномъ долгу и нерѣдко состояли въ бѣгахъ. Пошлая, гнилая и развратная натура Тавли проявилась вся при деспотизмѣ второкурсія. Онъ жилъ бариномъ, никого знать не хотѣлъ; ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ не встанетъ для того, чтобы напиться воды, а кричить: «эй, Катька, пить!». Подавдиторные чесали ему пятки, а не то велитъ взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту поганую голову отъ перхоти, которая по-

чему-то называлась плотью; заставляя говорить ему сказки, да непременно страшныя, а не страшно, такъ отдуеть, да и чѣмъ только при глубокомъ развратѣ Тавли ни служили для него подавдиторныя! При всемъ этомъ онъ былъ жестокъ съ тѣми, кто служилъ ему.—«Хочешь, говорить, Катька, р я б ч и к а съѣсть?» И начинаетъ щипать подчиненнаго за волоса. — «Тебя маменька вотъ такъ гладила по головкѣ; постой же, я покажу, какъ папенька гладить»; послѣ этого, уставивъ палецъ противъ ш е р с т и (волосъ), онъ плотно проводилъ имъ отъ начала лба и до конца затылка. — «Видалъ ли ты Москву?» — спрашиваетъ онъ ученика и прикладываетъ свои широкія, потныя, скверныя ладони къ ушамъ подавдиторнаго, сжимаетъ между ними голову его и потомъ, приподнявъ на воздухъ, говоритъ:—«Теперь видишь ли Москву? Вотъ она!» Онъ загибалъ своимъ товарищамъ с а л а з к и, т.-е. положить ученика на сидѣнье парты, лицомъ вверхъ, подниметь его ноги и гнетъ ихъ къ лицу. Плюнуть въ лицо товарищу, ударить его и всячески изобидѣть составляло потребность его души. Извѣстно было товарищамъ, что онъ однажды добылъ изъ гнѣзда неоперившихся воробьиныхъ птенцовъ, взялъ за тонкія ноги и разорвалъ воробьевъ на части. Меньшинство его ненавидѣло; большинство боялось и ненавидѣло.

Гороблагодатскій былъ сильная, но дикая натура. Второкурсіе отразилось на немъ совершенно иначе, нежели на Тавлѣ. Онъ былъ положительнымъ доказательствомъ, что начальство ошиблось въ расчетѣ, вводя деспотизмъ ученика надъ ученикомъ и черезъ то желая ввести въ товарищество ябеду и доносъ. Товарищество въ самомъ деспотизмѣ нашло себѣ опору. Второкурсные сдѣлались хранителями преданій и, получивъ по наслѣдству ненависть къ начальству, употребляли власть, имъ данную, на то, чтобы гадить тому же начальству. Цензоръ,